

Сто лет тому назад, 17-го (а по календарю того времени — 5-го) сентября, в Азербайджане, в небольшой карабахской деревушке Агджабеда, произошло важное событие: родился гений.

Скромный сельский писарь Абдулгусейн Гаджибеков и его миловидная жена Ширин ханум не могли и предполагать, что их ребенок, родившийся в этот день, станет человеком, так много значившим для целого народа. Для семьи Гаджибековых это был всего лишь второй ребенок, второй сын. нарекли его Узеиром.

То, что гении бессмертны, — триумф. Но для гения день рождения — тоже да-

провизионное искусство азербайджанского и ряда других народов Востока, зафиксированное не нотными знаками, а памятью исполнителей, передающих из поколения в поколение циклы мугамов. Мугам — это и целая философская система, воплощенная в звуках; музыка, полная глубоких раздумий и очищающих, просветляющих чувств, искусство контрастов, неожиданных, как сама жизнь.

В 1899 году в Горийскую учительскую семинарию поступал подросток с солидным багажом знаний традиционной музыки своего народа. Он знал эту музыку так, как, скажем, будущий писатель уже в раннем возрасте знает свой родной

язык. Все дальнейшее — только обогащение этого первоначального знания.

Узеиру всего пятнадцать лет. В таком возрасте всем мальчикам присущи высокие романтические помыслы — великие открытия, славные подвиги, бессмертные произведения. Но не о грандиозных географических или математических открытиях думает маленький Узеир, а о переводе учебников по географии и математике. Действенное служение народу является не в громких декларациях, не в фантастических прожектах, а в скромной, будничной, повседневной работе, незаметной, но необходимой.

Через несколько лет Узеир исполнил за-

пад» — эта киплингская формула, хоть и относительно нестарая, казалось, существует испокон веков. Она отражает суть вопроса: действительно ли в музыкальном отношении Востоку и Западу никогда не сойтись? А может быть, музыка Востока, отбросив свои традиционные ценности, должна перенять формы и жанры, выработанные европейской цивилизацией? Приспособить, по крайней мере, свою музыкальную культуру к нормам западного музыкального мышления? Или, может, наоборот, восточная музыка обязана строго блюсти собственную самобытность, самоизолироваться от всех иных веяний?

ЖИЗНЬ — В МУЗЫКЕ

К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ УZEИРА ГАДЖИБЕКОВА

та в определенном смысле условная. Гений нарождается задолго до своего появления в мире. Его реальная биография — лишь жизненный отрезок в вечном существовании; ибо если после своего ухода он остается на земле своими деяниями, всем, им сотворенным, продолжая жить в памяти, судьбе, нравственном поведении и эстетических вкусах множества людей, то и все предшествующее его рождению время готовит его приход.

Гений Узеира Гаджибекова — это, конечно, щедрый дар природы людям, природы, наделившей ребенка уникальными талантами, редкостными музыкальными данными, слухом, чувством ритма, неис-

Приводятся доводы и контрдоводы, убедительные аргументы и не менее разумное их опровержение.

А на заре века скромный учитель и газетный сотрудник, не вдаваясь во все эти премудрости, сделал в юношеском озарении великое открытие: чисто восточное музыкальное искусство — мугам — можно вынести на подмостки европейской оперной сцены, «непрограммное» содержание традиционной национальной музыки наполнить конкретным литературным сюжетом.

Самый популярный в народе сюжет — поэма о Лейли и Меджнун, восточный Ромео и Джульетта, созданная в XVI веке тончайшим поэтом-лириком Мухаммедом Физули. Стихи Физули необычайно мелодичны, как бы созданы для мугамного исполнения. Надо лишь тщательно отобрать мугамы, их разделы — по эмоциональному настрою сцен, по соответствию характеристикам персонажей. И, конечно, сочинить собственную оригинальную музыку, соединяющую мугамные импровизации, расплывчатую эту музыку по голосам европейского оркестра, с добавлением национальных инструментов, одним словом, создать «нечто вроде оперы» — так скромно отмечает Гаджибеков.

«Лейли и Меджнун» не только первенец мугамной оперы, но и вершина именно этого жанра, никем не превзойденная в течение последующих лет. Никем, и в том числе самим Узеиром Гаджибековым. Ведь и он после «Лейли и Меджнун», окрыленный успехом, создал еще несколько мугамных опер. Некоторые из них имели успех. «Шах-Аббас», например, или «Асли и Керем». Последняя живет на сцене и по сей день.

Но высота «Лейли и Меджнун» оказалась недостижимой. Более того, эта опера — одна из трех самых высоких вершин гаджибековского музыкального творчества наряду с «Аршин мал аланом» и оперой («обычной», а не мугамной) «Кёр-Оглы».

Но ныне мы не можем рассматривать «Лейли и Меджнун» как пройденный в очень далеком прошлом этап, первоначальную и «примитивную» ступень нашей музыки, некий архаичный памятник культуры, чье место в музее. Сегодня «Лейли и Меджнун» звучит так же, если не более современно, свежо и пленительно, как и 77 лет тому назад, и, кстати, не сходит со сцены все эти семь с лишним десятилетий. Завидное долголетие.

Путь, начертанный и осуществленный Гаджибековым и его соратниками-современниками и продолжателями — от «Лейли и Меджнун» до «Кёр-Оглы», — несомненно, магистральная дорога нашей музыки. Однако и эту формулу нельзя воспринимать однозначно. Она была выдвинута в годы, когда формы современного мирового музыкального искусства только-только утверждались в азербайджанской музыке. Великим программным произведением той эпохи стала опера «Кёр-Оглы», созданная Гаджибековым не только в мучительных творческих поисках за роялем и нотными листами, но и ставшая выстраданным ответом композитора на ожесточенные антигиллистические нападки в ходе острых общественно-эстетических дискуссий.

Для сегодняшнего слушателя «Лейли и Меджнун», другие мугамные оперы — самостоятельная форма, существующая параллельно с операми традиционного европейского типа, отличающаяся от них не по признакам «хорошего-плохого», «простого-сложного», а своими жанровыми особенностями, спецификой, художественными приемами, способами выразительности, стилем. Жанр, созданный именно в азербайджанском искусстве и не имеющий нигде аналогов.

В первом ряду справа налево — С. Прокофьев, Р. Глиэр, Д. Шостакович, У. Гаджибеков, А. Хачатурян; во втором ряду слева направо — Ю. Шапорин, Д. Кабалевский, Ив. Дзержинский, М. Коваль, В. Мурадели.

черпаемыми мелодическими способностями, острым умом, железной волей, ранней целенаправленностью.

Все это, помноженное на исполинский труд, неутолимую жажду самосовершенствования, множество благоприятных стечений обстоятельств, предопределило судьбу художника в необычайно сложную и бурную эпоху.

Но, кроме этих объективных и субъективных факторов, истоки гаджибековского феномена восходят чуть ли не в глубь геологических эпох, каких-то непредставимо далеких тектонических процессов, образовавших ландшафт, окружающую природу его детства так, а не иначе. Именно своеобразный рельеф высокогорного города Шуша с особым целебным воздухом, упительными родниками, с головокруглыми ракурсами белоснежных вершин, круглых обрывов, глубоких ущелий, с тихим журчанием рек и прохладным шелестом вековых деревьев, с ароматами полевых цветов, трав и майскими соловьиными трелями создали неповторимую атмосферу Прекрасного, гармоничный фон Волшебства и Величия, и все это породило непрерывную традицию красоты и искусства, поэзии и музыки в Шуше. Этот город соловьиных голосов и инструменталистов-виртуозов по праву называли «Консерваторией Кавказа». Здесь прошло детство Узеира.

Порой недоумевают: как мог Узеир Гаджибеков в 22 года, не получив законченного музыкального образования, создать целую оперу, мугамную оперу «Лейли и Меджнун». Чему же удивляться — ведь консерватория мугама — Шуша. Мугам — древнейшее музыкально-им-

думанное. Издал не только учебник арифметики на родном языке, но и русско-азербайджанский и азербайджанско-русский словари. Перевел «Шинель» Гоголя.

В горийской семинарии Узеир преуспевает по музыкальным предметам, но смутное желание создать музыкально-сценическое произведение зародилось еще в Шуше.

Тринадцатилетним мальчиком впервые увидел в родном городе Шуша на любительском спектакле сцену: Меджнун на могиле Лейли, — вспоминая он впоследствии. — Картина эта так глубоко взволновала меня, что через несколько лет, приехав в Баку, я решил написать нечто вроде оперы.

Поразительно, что детская завороченность, зыбкая мечта уже через десять лет претворилась в жизнь, стала фактом не одной лишь биографии Узеира Гаджибекова, а всей национальной культуры. Фактом мировой музыкальной истории, днем рождения нового жанра — мугамной оперы.

12 (25) января 1908 года в Баку состоялась премьера оперы «Лейли и Меджнун». Первой азербайджанской оперы, но первой не только в Азербайджане. Огромный регион: Кавказ и весь мусульманский Восток — Иран, Турция, Афганистан, арабские страны, Средняя Азия, Казахстан, Татария — не имели доселе музыкально-сценических жанров. И вот Восток начал летоисчисление своей оперной истории в Баку. Душой всего этого дела был «красивый двадцатидвухлетний» композитор Узеир Гаджибеков.

«Восток есть Восток. Запад есть За-